27 Февраля

1855 г

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
Ц61
Д249

4501
Д249

27 ФЕВРАЛЯ 1855 г.

НАРОДНЫЙ СХОДЪ

ВЪ ПАМЯТЬ ПЕРЕВОРОТА 1848

ВЪ

ST. MARTIN'S HALL, LONG ACRE,

ВЪ

ЛОНДОНѢ

"And, before all, let us thank our English friends! Above the hospitality of the land,—of the fire-side,—of the bread,—what we need most is, the hospitality of liberty,—of thought. You have given us. Thank you, friends, thank you."

A. TALANDIER (27 febr.)

ЛОНДОНЪ
ВОЛЬНАЯ РУСКАЯ КНИГОПЕЧАТНЯ
82, Judd Street, Brunswick Square.

1855

PRICE SIX PENCE.

Ц51
Д249

27 ФЕВРАЛЯ 1855 г.

НАРОДНЫЙ СХОДЪ

ВЪ ПАМЯТЬ ПЕРЕВОРОТА 1848

ВЪ

ST. MARTIN'S HALL, LONG ACRE,

ВЪ

ЛОНДОНѢ

"And, before all, let us thank our English friends! Above the hospitality of the land,—of the fire-side,—of the bread,—what we need most is, the hospitality of liberty,—of thought. You have given us. Thank you, friends, thank you."

A. TALANDIER (27 Febr.)

ЛОНДОПЪ
ВОЛЬНАЯ РУСКАЯ КНИГОПЕЧАТНЯ
82, Judd Street, Brunswick Square.

1855

ЦБ1
Д249
Библиотека
Института Ленина
1385
у10265
2011
У

Митингъ въ St. Martin's Hall имѣетъ глубокое значенie, не только потому что его характеръ былъ рѣшительно республиканскій и соціальный, но потому что онъ былъ созванъ Англичанами и собирался подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго Чартиста Е. Джонса.

Англичане сзывали и прежде митинги для заграничныхъ вопросовъ, ихъ характеръ былъ почти всегда симпатиченъ угнѣтеннымъ народностямъ; но я не помню ни одного, котораго цѣлью было бы всенарод-

ное, торжественное сознаніе одной изъ Англіи — Англіи Чартистовъ — что она идетъ рука въ руку съ Соціалистами всѣхъ странъ, что она собирается съ нами, изгнанниками, при громкомъ крикѣ: Да здравствуетъ республика демократическая и соціальная!—осѣненная краснымъ знаменемъ. Знамя іюньскихъ дней, революцій и соціализма, одно развѣвалось надъ трибуной.

Обширная зала въ Лонгъ Экрѣ стала наполняться съ пяти часовъ вечера участниками общаго полдника; въ немъ могъ участвовать каждый — заплативъ восемнадцать пенсовъ (около 50 копѣекъ сер.).

Шестсотъ человѣкъ обоего пола, всѣхъ странъ, большей частію работники и изгнанники, занимали мѣста за длинными столами. Тишина и порядокъ были удивительны —

распорядителямъ Международнаго Совѣта нечего было дѣлать, и между тѣмъ всѣ были совершенно свободны, садились гдѣ хотѣли своими кружками. Нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ прислуживали, — вниманье къ иностранцамъ, особенно къ изгнанникамъ, заставило многое забыть изъ непріятныхъ уличныхъ встрѣчъ.

Эта другая Англія, не та, которая смѣется въ глаза и указываетъ пальцемъ на иностранца, не Англія прилавка, не Англія кабацкой голи, а Англія—работниковъ.

Работникъ не можетъ не сочувствовать съ изгнанникомъ. Онъ тоже изгнанъ, но не въ даль, а въ глубь, внизъ, изгнанъ изъ міра образованія, довольства, правъ, отлученъ отъ всего чѣмъ этотъ міръ гордится. И тотъ и другой поняли свое положеніе и трудность изъ него выйти. И тѣ и другіе бѣдны, и тѣ

и другіе грустны въ самомъ весельи, и тѣ и другіе ревниво хранятъ свое достоинство, потому что враги клевещутъ на нихъ.

Матери были съ грудными дѣтьми, дѣти, дѣвушки, незнакомые говорили между собой; я увѣренъ, что ни разу не вспыхнула ни одна дѣвичья щека, ни одно грубое слово не замарало дѣтскаго уха.

Соберите шестсотъ мѣщанъ съ мѣщанками и вы увидите что будетъ.

Въ семь часовъ Между-народный Совѣтъ удалился. Столы были вынесены — двери залы и хоръ растворены и тысячи двѣ человѣкъ, ожидавшихъ за дверями, заняли все пространство, (за входъ платили по три пенса, для покрытія расходовъ за наемъ залы и освѣщеніе), лѣстница и сѣни были полны народа, по Лонгъ Экру тянулся далеко по тротуару волнующійся хвостъ.

Въ восемь часовъ члены Совѣта взошли на помостъ (*) и были приняты громкимъ, продолжительнымъ рукоплесканіемъ. Совѣтъ состоялъ изъ Англичанъ, Французовъ, Нѣмцовъ, Поляковъ, Итальянцевъ, Испанца и Русскаго.

Предсѣдатель Совѣта — Эрнестъ Джонсъ, — выбранный въ Предсѣдатели народнаго Схода, объявилъ, "что митингъ открытъ" и вслѣдъ за тѣмъ явился на трибунѣ. Когда рукоплесканія умолкли, онъ сказалъ:

ЛЮДИ ЕВРОПЕЙСКІЕ! (Men of Europe,)

Девятнадцать вѣковъ тому назадъ было провозглашено братство людей, а мы едва теперь начинаемъ понимать смыслъ этого слова. Да, всѣ люди братья, но не всѣ равны; одни Авели, другіе Каины. Здѣсь собрались Авели, чтобъ

(*) Все слѣдующее переведено изъ "*L'homme*" и "*People's Paper*". Мы только опустили нѣкоторыя подробности, не имѣющія общей занимательности. В. А.

переговорить между собой, какъ защититься отъ вѣнчанныхъ Каиновъ!

Насъ ведутъ на убой какъ овецъ, кровь наша льется рѣками, члены разрываются, ломятся подъ пыткой, умъ меркнетъ отъ темницъ . . . и къ стыду нашему — все это дѣлается нашими собственными руками. Французскаго простолюдина повели усмирять Итальянскаго, Нѣмецкій тѣснитъ Венгерскаго, и Англійскій солдатъ идетъ поддерживать владычество Австріи надъ Ломбардіей, Венгріей, Польшей. И все это совершается во имя народа.

Дома, въ каждой странѣ еще хуже. Враги наши упрекаютъ насъ въ томъ, что мы возстановляемъ одно сословіе противъ другого, а они вооружаютъ часть одного сословія противъ него самаго, они назначаютъ людей, которые должны умерщвлять другихъ — и люди слушаются ихъ, забывая, что они точатъ ножъ на самихъ себя.

Откуда бы царямъ брать войска, еслибъ въ народахъ было сколько нибудь здраваго смысла? Народы не знаютъ ни своихъ собственныхъ правъ, ни своихъ собственныхъ выгодъ, они доселѣ брели въ потемкахъ; обуреваемые страстями, они разили своихъ друзей и простирали руки къ своимъ врагамъ. Они преклоняли колѣна передъ дьяволами, считая ихъ богами. Но эти времена проходятъ,

Богъ Знанія сказалъ: "да будетъ свѣтъ" и Димократія, его Апостолъ, зажгла свѣтильникъ Свободы.

Цари и вельможи раздѣляли народы, димократія соединяетъ ихъ. Цари и вельможи—источники войны, димократія краеугольный камень мира. Правительства кастъ, сословій, ставятъ частныя страсти выше общаго блага — отсюда война. Димократія ставитъ общее благо выше частныхъ страстей — отсюда миръ! Мы въ 1830, въ 48 году провозглашали "Соединеніе Народовъ". Цари и вельможи назвали насъ за это возмутителями Европы; они соединились противъ насъ для возстановленія м и р а и п о р я д к а, они восторжествовали — Гдѣ-же м и р ъ и п о р я д о к ъ?

Имперія — миръ, сказалъ Наполеонъ. Хорошъ миръ! Нѣтъ, Республика миръ, а имперія война, долги, доносы, измѣны, клятвопреступленія, нищета, убійства — какъ во всѣхъ имперіяхъ и царствахъ вообще.

Люди Европейскіе! Цари и вельможи выдумали вражду народностей, чтобъ разъединить народы. Они заставляютъ васъ сражаться другъ противъ друга, пока вы не нападете на мысль сражаться противъ нихъ. Они провели между вами рѣки крови, положили горы труповъ и назвали это естественными границами государствъ. Они проповѣдывали одну вѣру въ одной странѣ, другую въ другой. А

демократія подобно солнцу свѣтитъ одинаково на Францію и на Англію, на Нѣмцевъ и на Поляковъ.

Мы, поборники этой демократіи, передовой отрядъ воинства ратующаго для освобожденія міра, мы всенародно собрались здѣсь для того :

Чтобъ заявить нашъ голосъ противъ союзовъ съ тиранами и противъ злоупотребленія нашего имени въ этихъ союзахъ ;

Чтобъ заявить нашу готовность подать руку помощи удрученнымъ народностямъ, въ дѣлѣ ихъ освобожденія ;

Чтобъ провозгласить и поддержать верховныя права труда, этого не вѣнчаннаго, но единственнаго, законнаго, всемірнаго монарха! (Рукоплесканія)

Мы хотимъ заявить нашъ голосъ, я говорю какъ Англичанинъ за Англичанъ противъ союза съ Австріей и съ Наполеономъ. Какъ люди, мы отвергаемъ союзъ съ злодѣйствомъ; какъ граждане, мы отвергаемъ союзъ ведущій насъ къ гибели.

Глубоко пала Англія.

Нѣкогда другой монархъ во Франціи, измѣнивъ своей присягѣ, какъ ночной тать, послалъ пьяныхъ солдатъ захватить лучшихъ и честнѣйшихъ гражданъ, спокойно спавшихъ въ домахъ своихъ, довѣряясь его присягѣ и чести. Потомъ онъ усѣялъ ихъ трупами улицы Парижа.

Тогда въ Англіи была тоже королева. Услышавъ эту страшную вѣсть, она отозвала своего посла, а французскому велѣла выѣхать, сказавъ : "Всякое сношеніе съ клятвопреступникомъ и убійцей запятнаетъ Англію и меня". Этотъ французскій король былъ Карлъ IX, эта англійская королева Елисавета ; преступленіе совершенное королемъ — Варѳоломеевская ночь.

Съ тѣхъ поръ прошло триста лѣтъ. Снова во Франціи царитъ монархъ, въ Англіи королева. Снова монархъ французскій нарушаетъ присягу, измѣняетъ республикѣ, усыновившей его, которой служить онъ торжественно клялся, которая его изъ бродяги, изъ подозрительнаго игрока, подняла на высшее мѣсто въ Европѣ. Снова онъ ночью по разбойничьи напалъ на свои жертвы, снова перебилъ беззащитную толпу на улицахъ и наполнилъ ужасомъ и кровью Парижъ.

Что-же сдѣлала королева Англіи? Вмѣсто того, чтобъ перервать сношеніе съ нимъ, она заключила съ нимъ особый союзъ ; вмѣсто того, чтобъ отозвать своего посла, она отправилась пировать къ его послу ; вмѣсто того, чтобъ выслать представителя его, она послала своего мужа привѣтствовать его! (Рукоплесканія)

И притомъ, замѣтьте, Карлъ IX убивалъ не изъ корыстной цѣли, Наполеонъ убивалъ для себя. Карлъ IX не

былъ больше обязанъ своему народу, какъ всякій другой король. Наполеонъ былъ всѣмъ обязанъ своему народу. Карлъ IX убивалъ изъ фанатизма, воображая, что служитъ Богу. Наполеонъ убивалъ хладнокровно, для достиженія своихъ преступныхъ видовъ.

И это-то нашъ союзникъ! — (рукоплесканія)

(Ораторъ вступаетъ въ подробности дурнаго веденія войны, которыя мы опускаемъ.)

Мы должны желать — (продолжаетъ Джонсъ) — для угнетенныхъ народовъ столько-же независимости внутренней сколько внѣшней. Дома надобно быть независимымъ отъ рабства и ростовщиковъ, свнѣ отъ царей и императоровъ. Разумѣется, да здравствуетъ вольная Польша, Италія, Венгрія, но онѣ не единственные угнѣтенные народы. Намъ вопросъ этотъ представляется въ несравненно большихъ размѣрахъ.

Въ нашихъ глазахъ народности ничего, человѣкъ все, для насъ угнѣтенные народности, народы составляютъ одинъ всемірный бѣдный народъ. Во всѣхъ странахъ онъ борется и отстаиваетъ свою жизнь противъ богатаго народа, вездѣ — жертвуетъ обществу своимъ здоровьемъ, силой, трудомъ, жизнію, и получаетъ въ замѣну—голодную смерть, немощь, тюрьму.

Пусть никто не ошибается въ смыслѣ нашего Сходбища.

Мы не начинаемъ пустой крестовой походъ противъ какой нибудь наслѣдственной столбовой власти (аристократіи). Мы не намѣрены низвергнуть одно какое-нибудь тиранство, чтобъ тѣмъ прочнѣе жило другое. Мы такіе-же противники тиранства капитала, какъ тиранства наслѣдственныхъ правъ.

Родъ человѣческій раздѣляется на рабовъ и господъ. Производители—рабы, тунеядцы—господа; рабы дѣлаютъ, тунеядцы берутъ себѣ сдѣланное. Для того чтобъ работнику быть свободнымъ, надобно чтобъ онъ былъ въ состояніи работать самъ на себя. Работа—хлѣбъ, а хлѣбъ—жизнь; чтобъ жить свободно, надобно освободить работу дающую хлѣбъ. Свобода есть право жить собственнымъ своимъ трудомъ и пользоваться выработаннымъ, не спрашивая ни у кого позволенія.

Если, что впрочемъ не подлежитъ сомнѣнію, капиталъ необходимъ работѣ, то работникъ имѣетъ право на необходимый капиталъ, и доколѣ не работа распоряжается капиталомъ, а капиталъ работой, дотолѣ мнѣ дѣла нѣтъ какіе политическіе законы вы издаете, какую республику или монархію вы учреждаете. Человѣкъ все таки остается рабомъ! (Громъ рукоплесканій)

Послѣ рѣчи Джонса, секретарь прочелъ

письма : Барбеса изъ Гаги, Виктора Гюго и Свентославскаго изъ Жерсэ, Станислава Ворцеля и др. изъ Лондона. Общій смыслъ всѣхъ писемъ, кромѣ одного отъ Маццини, теплое и дружеское участіе писавшихъ и извиненіе, что не могутъ быть лично на Сходѣ.

А. Саффи изъ Оксфорда и Піанчани изъ Жерсэ прислали адрессы.

Послѣ чтенія, Предсѣдатель предложилъ начать бесѣду великой, вѣчной Пѣснью-Пѣсней освобожденія — Марсельезой. Всѣ члены Совѣта встали и сняли шляпы. Французскій изгнанникъ Жакино началъ печально-грустнымъ голосомъ первую строфу — Совѣтъ хоромъ повторилъ "За ружія Граждане!" — вся зала встала, всѣ сняли шляпы и Марсельеза повторилась слишкомъ двумя тысячами голосовъ.

По окончаніи Марсельезы, молодой англійскій работникъ, Финленъ, предложилъ собранію отвергнуть всякій союзъ между народами и деспотами, какъ безчестный и вредный и учредить постоянный Международный Совѣтъ, составленный изъ представителей всѣхъ народностей. Цѣль этого Между-народнаго Совѣта должна быть развитіе и распространеніе основныхъ началъ Республики демократической и соціальной.

Послѣ того какъ предложенія его были одобрены единодушными рукоплесканіями, Финленъ сказалъ (пламенная импровизація Финлена была плохо записана,—мы даемъ ее въ весьма неполномъ переводѣ) :

У насъ, Англичанъ, немного воспоминаній. Правда, съ Апрѣля 1848 г. и мы пытались кой-что совершить ... но совершили мало. Мы гордимся тѣмъ что сдѣлали, но зна-

смъ что недовольно сдѣлали и должны въ будущемъ искупить прошлую вялость. Это-то мы и хотимъ начать съ нынѣшняго дня.

Хотя мы и не много сдѣлали въ 1848 г., однакоже мы были готовы содѣйствовать нашимъ сосѣдямъ, мы одобряли ихъ великія усилія, мы были съ ними за одно, и съ тѣхъ поръ ихъ уважаемъ и сердечно жмемъ имъ руку, какъ товарищамъ и братьямъ.

Пора народамъ соединиться, — враги народовъ были искони соединены и оттого еще разъ восторжествовали. Попы, цари, солдаты и другіе прислужники власти всегда дѣйствовали за одно. Заключая свой союзъ, намъ не приходится другъ другу жертвовать основными началами, ни отказываться ни отъ одного изъ нашихъ святыхъ упованій. Каждая страна имѣетъ право управляться такъ, какъ она хочетъ, какъ она считаетъ полезнымъ для себя. Тутъ нѣтъ мѣста ни дѣлать уступки, ни требовать ихъ. Я (съ выразительнымъ движеніемъ) Я Чартистъ и всегда буду Чартистомъ! (Громъ продолжительнаго рукоплесканія перерываетъ оратора). Да, я Чартистъ, (новый взрывъ рукоплесканій) Я знаю, что не во всѣхъ кругахъ прилично называться Чартистомъ, по-крайней-мѣрѣ признаваться въ этомъ; но я говорю теперь людямъ собравшимся въ память великихъ переворотовъ 1848 года.

Чартизмъ не умретъ, не можетъ умереть. До тѣхъ поръ пока будетъ хоть одинъ рабъ въ здѣшней странѣ, до тѣхъ поръ пока имя Феаргуса О'Коннора будетъ завѣтнымъ именемъ. (Рукоплесканія) Стараясь установить союзъ между народами, мы должны стараться упрочить Чартизмъ, котораго основа символъ вѣры бѣдныхъ людей въ Англіи.

На этихъ основаніяхъ я предлагаю принять сказанныя рѣшенія, я считаю ихъ достойнымъ исходомъ начатаго дѣла. (Да, да!)

Скажу въ заключеніе, что я горжусь тѣмъ, что сегодня вечеромъ нахожусь въ обществѣ съ людьми страдавшими, съ людьми бывшими на баррикадахъ, на тѣхъ грозныхъ сводахъ, подъ которыми гибнетъ слабое и злое, и черезъ которые торжественно идетъ и очищается любовь къ отчизнѣ и къ добру. (Продолжительныя рукоплесканія)

Положенія, предложенныя Англичанином, сказалъ Предсѣдатель, будутъ поддержаны, въ ознаменованіи союза между народами, изгнанниками съ материка. Въ доказательство, что мы совершенно отвергаемъ раздоры между народами, что воюя

противъ деспотовъ, мы дружны съ народ-
ми . . . . знаете-ли кто хочетъ поддержа
своей рѣчью наши мнѣнія?—Рускій (рук
плескапія). Руской этотъ извѣстенъ уже
Европѣ своими сочиненіями, въ Россіи он
испыталъ царскую власть, онъ пять лѣ
былъ въ ссылкѣ около Уральскаго Хребт
онъ представляетъ одну изъ надеждъ рев
люціонной партіи въ Россіи — Александ
Герценъ желаетъ держать рѣчь.

Когда А. Герценъ явился на трибунѣ, рук
плескапія и одобрительный крикъ усилил
до того, что онъ нѣкоторое время не мо
говорить; глубоко тронутый, онъ три ра
поклонился публикѣ, громъ рукоплескані
удвоился, и вдругъ смѣнился совершенно
тишиной.

ГРАЖДАНЕ! (Сказалъ А. Герценъ, еще потрясенны
голосомъ отъ внутренняго волненія.)

Когда Между-народный Совѣтъ пригласилъ меня сказать мое слово въ этомъ собраніи, меня сначала взяло раздумье, говорить-ли мнѣ во имя небольшаго числа рускихъ братій нашихъ, говорить-ли мнѣ среди разгрома войны, въ разгарѣ неистовыхъ страстей, среди святой глубокой грусти, въ которую все погружено нынѣ. Я сообщилъ это Совѣту. Онъ возобновилъ свое приглашеніе, и притомъ съ такой любовью, что мнѣ стало совѣстно за минуту сомнѣнія, за недостатокъ вѣры . . .

Война свирѣпствуетъ въ иномъ мірѣ. Громъ ея умираетъ у порога этой палаты, въ которой изгнанники и выходцы всѣхъ странъ соединяются съ Англичанами, свободными отъ предразсудковъ своей родины, во имя воспоминанія, во имя надежды, во имя страдающихъ. (Рукоплескапія)

Такъ Христіане первыхъ вѣковъ собирались на скромныя свои трапезы, въ спокойствіи и ясности духа, между тѣмъ какъ буря вызванная кесарями и преторіанцами потрясала древнія основы Римской имперіи.

На этомъ праздествѣ народной братовщины, Рускому голосу должно быть мѣсто.

Въ Россіи сверхъ царя — есть народъ; сверхъ люда казеннаго, притѣсняющаго — есть люди страждущіе, несчастные; кромѣ Россіи Зимняго Дворца — есть Русь

крѣпостная, Русь рудниковъ. Во имя этой-то Руси долженъ здѣсь быть услышанъ голосъ.

Спѣшу сказать, что я не имѣю никакого уполномоченія отъ русскихъ выходцевъ. Они не составляютъ сомкнутаго общества. Полномочіе мое говорить во имя Россіи — вся моя жизнь, моя привязанность къ Русскому народу, моя ненависть къ царю.

Да, я имѣю смѣлость высказать это, я считаю себя представителемъ мысли возстанія въ Россіи среди васъ, я имѣю право на голосъ; это говоритъ мнѣ мое сердце, мое сознаніе, моя совѣсть. (Продолжительные крики одобренія.)

Седьмой годъ издаю я сочиненія о Россіи. Сначала, европейска публика, озадаченная неистовымъ поведеніемъ возстановленныхъ властей послѣ 1848 года, слушала мои слова снисходительно. Теперь времена измѣнились; война возбудила удивительно боевой духъ, особенно въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ газетахъ, онѣ дошли до яростной нетерпимости. Мнѣ стали ставить въ укоръ любовь мою къ Славянамъ, мою вѣру въ величіе ихъ будущности, наконецъ самую мою дѣятельность. Обвинительныя статьи на меня два раза переплывали черезъ Океанъ — другія удостоились чести быть воспроизведенными Монитеремъ.

Доселѣ никогда еще не требовали ни отъ одного выходца

или изгнанника, чтобъ онъ ненавидѣлъ свое племя, свой народъ. У Васъ, отнимаютъ настоящее; васъ хотятъ лишить будущаго, хотятъ убить нашу надежду!

Еслибъ я ненавидѣлъ русскій народъ, еслибъ я не вѣрилъ въ него, меня бы не было здѣсь. Народъ свободный, республиканскій далъ мнѣ права гражданства у себя; я тамъ бы и остался, не занимаясь страною, въ которой меня преслѣдовали.

Странная сбивчивость понятій.

Царствованіе Николая начинается огромнымъ заговоромъ. Онъ идетъ короноваться въ Москву подъ тріумфальными воротами пяти висѣлицъ. Сотни заговорщиковъ съ цѣпями на ногахъ отправляются въ рудники. Гурьбы молодыхъ людей слѣдуютъ за ними и изчезаютъ въ Сибири... Все это проходитъ незамѣченно въ западной Европѣ, между-тѣмъ какъ наглый образъ воплощеннаго самодержавія отбрасываетъ на насъ, гонимыхъ имъ, тѣнь заслуженной имъ ненависти.

Я знаю, что Вы, Граждане, вѣрите въ существованіе революціонной партіи въ Россіи; иначе, появленіе мое на этой трибунѣ было бы нелѣпостью. Но большинство людей, называющихся радикалами, старается этому не вѣрить. Они довольствуются союзомъ и братствомъ между

народами, внесенными въ ихъ списки, получившими отъ нихъ революціонный дипломъ.

Какъ вспомнишь, что добрый "заступникъ человѣческаго рода", Анахарсисъ Клоцъ, самъ раскрасилъ одного изъ своихъ родственниковъ, для того, чтобъ на празднествѣ французской республики не было недостатка въ представителѣ изъ Отаити, — такъ нельзя не сознаться, что съ тѣхъ поръ между-народное братство не далеко ушло впередъ. (Смѣхъ)

Николай насъ вѣшаетъ, ссылаетъ въ Сибирь, сажаетъ въ темницы; но онъ по-крайней-мѣрѣ не сомнѣвается въ томъ, что мы существуемъ, напротивъ того, онъ черезъ чуръ внимателенъ къ намъ.—Граждане, я въ первый разъ въ моей жизни ставлю его величество въ примѣръ. (Хохотъ)

Но намъ говорятъ, что мы, въ свою очередь, не вѣримъ ни въ силу, ни въ нынѣшнее устройство Европы. Разумѣется, нѣтъ. А вы? развѣ вы вѣрите?—(Нѣтъ! Нѣтъ!) Дѣло въ томъ, что Русскій, при выходѣ изъ своего острога, летитъ въ Европу полный вѣры, полный надеждъ . . . и находитъ повсюду другія изданія царскаго самовластія, безконечныя варіаціи на тему "Николай". (Браво)

И онъ осмѣливается это высказывать . . . вотъ въ чемъ бѣда!

Намъ, очевидцамъ іюньскихъ дней и всего ряда злодѣйствъ совершенныхъ торжествующими правительствами въ Европѣ—злодѣйствъ, которыя превзошли все что могъ бы вообразить самый мрачный предсказатель—намъ ставятъ въ укоръ наши слезы, стонъ боли вырывающійся изъ нашей груди?...Насъ упрекаютъ въ томъ, что на нашихъ губахъ одни горькія слова, одни проклятія . . . когда въ груди кипитъ злоба, а въ умѣ одно сомнѣніе!

Что-же слѣдовало—молчать, скрывать?

Зачѣмъ-же это намъ льстить этому старому міру, міру битой колеи и насилія, который насъ первыхъ раздавитъ, который громоздитъ трупы прошедшаго, чтобъ загородить дорогу будущему . . . (Продолжительное рукоплесканіе.)

Довольно портили царей лестью и молчаніемъ. Съ какой стати развращать имъ народы? (Новыя рукоплесканія.)

Положимъ, что наши мнѣнія преувеличены; положимъ, что они ложны; но съ чего берутъ себѣ право подозрѣвать ихъ искренность?

Нельзя покончить ошибочное мнѣніе, провозгласивъ его ересью, панславизмомъ, марая его подлыми и нелѣпыми намеками.

Простите мнѣ эти подробности—онѣ лежали у меня на сердцѣ. Я ничего не отвѣчалъ на нападки; чувство глубокаго приличія, которое Вамъ легко понять, заставляло

меня хранить молчаніе во время войны. Но мнѣ казалось невозможнымъ держать между вами рѣчь, не касаясь этого личнаго вопроса.

Теперь, отвернемся отъ междоусобицъ императоровъ и журналистовъ, и посмотримъ на то, что происходитъ въ этомъ нѣмомъ краѣ свѣта, который называется Русью.

Тамъ Вы встрѣтите два зародыша движенія : одинъ сверху, другой снизу. Одинъ преимущественно отрицающій, разлагающій, разъѣдающій, разсыпается въ малыхъ кружкахъ, но готовъ составить большой, дѣятельный заговоръ. Другой—болѣе положительный, хранящій въ себѣ почки будущаго образованія, находится въ состояніи дремоты и бездѣйствія. Я говорю о молодомъ дворянствѣ и о сельской общинѣ, которая представляетъ основную ячейку всей ткани общественной, животворящее начало Славянскаго государства.

Надъ ними — подавляя однихъ, пзтощая другихъ, — стоитъ казенная Россія; живой курганъ, (какъ я уже разъ сказалъ) притѣснителей, обманщиковъ, взяточниковъ —связанныхъ между собою дѣлежемъ грабительства, завершаемыхъ царемъ и опирающихся на семьсотъ тысячъ живыхъ машинъ со штыками.

Императорство никогда не сдѣлается ручнымъ; оно всегда останется опасностью для Европы, несчастіемъ для

Славянъ. Оно, по естеству своему, завосчиво, хищно, ненасытно. Очень скудное смысломъ, вовсе не даровитое, во внутреннемъ устройствѣ ему удалось создать одно — войско. Потому-то воевать ему необходимо, это его ремесло, его спасеніе.

Петербургское правительство не народно; оно слишкомъ держится дворянъ и слишкомъ Нѣмцевъ, чтобъ быть народнымъ. Единственная, живая мысль, привязывающая къ правительству, это мысль о народномъ единствѣ. Правительство знаетъ это очень хорошо, и пользуется этимъ. Вотъ одна изъ главныхъ причинъ, почему войну слѣдовало перенести въ Польшу. Объявленіе Польши независимою было бы хорошо принято не только Малороссіянами, но и большой частію Великорусовъ; оно было бы принято какъ возстаніе, а не какъ нападеніе.

Будьте увѣрены, что царь ничего столько не опасается какъ независимости Польши. Въ тотъ день, когда въ Варшавѣ будетъ возстановлена Республика, петербургскій орелъ повѣсится за одну изъ своихъ головъ. (Смѣхъ)

Не стану разбирать историческую необходимость солдатскаго и чиновническаго управленія, заведеннаго Петромъ I. Въ отношеніи къ прошедшему, оно, полагаю я, было понятно, даже нужно какъ наказаніе, какъ воспитаніе нужно для того, чтобъ спаять части Россіи во-едино.

Но теперь его время минуетъ, оно держится лишь искусственнымъ, насильственныхъ образомъ. Съ 1813 года императорская власть въ Россіи становится безплодною. Съ возшествія на престолъ Николая, дѣятельность правительства исключительно отрицательная — оно усмиряетъ, подавляетъ, гонитъ—и только.

Потому, что въ первый день своего вступленія на царство, Николай увидѣлъ людей, которые его устрашили; онъ ихъ никогда не могъ забыть. "Дай честное слово, что ты оставишь свои замыслы, и я тебѣ прощаю", сказалъ онъ Муравьеву.

— "Не нужно мнѣ помилованія, не нужно произвола, отвѣчалъ осужденный на смерть Муравьевъ,—мы хотѣли свергнуть васъ съ престола именно для того, чтобъ не быть зависимыми отъ вашихъ прихотей". На слѣдующій день его повѣсили.

"Вы торжественно поклялись надъ кинжаломъ, въ засѣданіи вашего общества, убить императора?" спросилъ Пестеля предсѣдатель слѣдственной коммиссіи. — "Не правда, отвѣчалъ Пестель, я просто сказалъ, что хочу его убить; не было ни кинжала, ни клятвъ; я никогда терпѣть не могъ мелодрамныхъ сценъ". И его тоже повѣсили. Веревка порвалась, Пестель упалъ на снѣгъ, всталъ и

сказалъ: "Проклятая страна, въ которой и повѣсить не умѣютъ!"

Знать, что такого рода люди существовали, не вдалекѣ отъ дворца, что ихъ еще и теперь найдется.....не хорошо для высочайшаго сна. (Смѣхъ)

Тридцать лѣтъ Николай ждетъ, чтобъ у него попросили прощенія, ждетъ и не дождется. Смерть прощаетъ несчастныхъ ссыльныхъ. Какія происшествія! Какія преданія!

Другой Муравьевъ — ихъ было четверо въ заговорѣ — бывшій полковникомъ генеральнаго штаба, жилъ послѣ десяти лѣтъ проведенныхъ имъ въ каторгѣ, посельщикомъ въ маленькой избѣ срубленной имъ самимъ въ глуши Сибири; съ нимъ жили вмѣстѣ два другихъ каторжника, генералъ Юшневскій и полковникъ Абрамовъ. Въ 1841 г. онъ умираетъ. Два друга сколотили гробъ и понесли покойника въ ближайшую церковь—за десятки верстъ. Старикъ генералъ любилъ Муравьева, такъ какъ мать можетъ любить своего сына. Дорогой онъ не вымолвилъ ни слова; пришедши въ церковь, онъ сталъ на колѣни возлѣ гроба и закрылъ себѣ лицо руками. Когда покойника отпѣли, дьячекъ, котораго удивляла неподвижность Юшневскаго, подошелъ къ нему. Старикъ былъ мертвъ. Абрамовъ побрелъ себѣ одинъ куда-то по снѣжному морю; объ немъ не было послѣ слышно.

Сколько Николай не упорствовалъ въ жестокости, сколько онъ ни обнаруживалъ рѣдкое бездушіе противъ людей свободнаго образа мыслей — образъ-то мыслей онъ не успѣлъ подавить; напротивъ того, онъ сталъ сильнѣе, болѣе возмужалый и болѣе народный.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ вышла во Франціи замѣчательная книга о Россіи. Сочинитель ея, г. Галя де Кюльтюръ, только что возвратился изъ Россіи; онъ послѣ меня видѣлъ что тамъ дѣлается. Позвольте мнѣ прочесть нѣсколько строкъ изъ этого сочиненія (*):

"Царь не затѣялъ бы этой неправедной войны изъ-за пустаго предлога заступиться за вѣру Христіанъ въ Турціи. Онъ по причинѣ весьма важной вышелъ изъ бездѣйствія. Послѣ двадцати-девяти лѣтъ царствованія, онъ не могъ больше управлять Россіей. Бывъ столько времени неограниченнымъ владыкою надо всѣмъ, онъ подъ конецъ увидѣлъ, что не имѣетъ власти ни надъ чѣмъ. Приближающаяся старость показывала ему не только явный упадокъ его личныхъ силъ, но и упадокъ всего порядка вводимаго имъ. Мысль преобразованія, обновленія, возрастая подобно морскому приливу подъ постояннымъ и

(*) "Николай и Русь святая" — (Nicolas et la sainte Russie—par Gallet de Kulture, Paris, 1854. стр. 222.)

неотразимымъ вліяніемъ, подмываетъ изгнившее, старое ученіе самодержавія . . . Притомъ среди дворянскаго сословія, сословія опаснаго, мятежнаго, составились общества, которыя яростно осмѣивая мѣры правительства, намѣренно держались отъ него по-одаль; они состояли изъ людей съ умомъ, съ сильной волей, съ сильной вѣрой и живою жаждой мести; эти общества привлекали къ себѣ все молодое поколѣніе".

Говоря о донесеніи тайной полиціи о дѣлѣ Петрашевскаго и его славныхъ товарищей, составившихъ заговоръ 1849 г., авторъ приводитъ слѣдующія слова изъ доклада Липранди Набокову:

"Воспитанники многихъ учебныхъ заведеній напитаны самыми превратными мыслями; каждое слово, каждая строка ихъ отзывается пагубными ученіями. Слѣпо предаваясь имъ, они считаютъ себя призванными преобразовать все общество, все человѣчество, и готовы стать апостолами и мучениками своихъ несчастныхъ заблужденій. Отъ такихъ людей можно всего ожидать. Ничто ихъ не остановитъ; ибо по ихъ убѣжденію, они трудятся не для самихъ себя, а ради всего рода человѣческаго, не для настоящаго времени, а для будущаго".

"Нельзя—сказалъ одинъ очень замѣчательный человѣкъ изъ Русскихъ г. Кюльтюру — нельзя опредѣлить когда

именно въ Россіи будетъ возстаніе, но оно близко, и облечется въ новый, особый образъ, оно явится въ рускомъ видѣ... Весь народъ единогласно воспріметъ, чтобъ низпровергнуть порядокъ дѣлъ, издавна осужденный духомъ времени—вооруженное страшилище, покамѣстъ могущее еще внушать страхъ, но уже не могущее возбудить ни единой струны въ сердцѣ человѣческомъ. За тѣмъ возникнутъ большія распри; поборники движенія захотятъ новаго, нѣкоторые изъ "Славянофиловъ" пожелаютъ возвратиться къ старой Руси, къ Руси Іоанновъ — между тѣмъ народъ возмется за Робеспьеровскій топоръ и начнетъ срубать чины и головы". (Рукоплесканія)

Вотъ, Граждане, что дѣлается подъ ледяной корой, подъ однообразной наружностью сѣвернаго самодержавія. Посмотримъ теперь въ глубь этого омута, взглянемъ какія тамъ дремлютъ бури-силы, могущія взволновать народныя стихіи.

Прежде всего надобно вамъ сказать, что (на западѣ) не только сомнѣваются въ существованіи революціонной партіи въ Россіи, которая по необходимости прячется, но сомнѣваются и въ томъ, что у насъ есть особый бытъ сельскій, т. е, сомнѣваются, такъ или нѣтъ, живутъ пятдесятъ милліоновъ людей въ двухъ шагахъ отъ Германіи.

Объ этомъ Гакстгаузенъ издалъ три тома; ему не по-

ли—онъ на царской сторонѣ. Объ этомъ говорилъ и я, [illegible] не повѣрили—я на сторонѣ друзей свободы! (Смѣхъ)

о странному противурѣчію, наша сельская община, [illegible]ленная сверху властью, опирается на широкую и [illegible] соціальную основу. Права ея велики. Само собою [illegible]мѣется, что здѣсь не идетъ рѣчь о правахъ государ[illegible]нныхъ; во всей Россіи одинъ Николай Павловичъ [illegible]зуется таковыми; здѣсь рѣчь о правѣ внутренняго [illegible]вленія и собственнаго распорядка въ дѣлахъ касающихся общины и ея земли. Не стану повторять того, что [illegible]олько разъ говорилъ объ устройствѣ руской сельской [illegible]ины и ея преимуществахъ; напротивъ того, я намѣ[illegible] указать вамъ на огромный ея недостатокъ.

[illegible]ский крестьянинъ вѣчно остается малолѣтнимъ; онъ [illegible]гда не самостоятеленъ; во всѣхъ случаяхъ онъ опи[illegible]ся на общину, прячется за нее. Лицо поглащается [illegible]мъ.

[illegible]гласовать личную свободу съ міромъ, тутъ вся задача [illegible]изма. Она не разрѣшена Соединенными Штатами [illegible]ропой Америки, еще менѣе разрѣшена славянской [illegible]ной. Славянская сельская община безсознательный [illegible]ышъ, который будетъ вызванъ къ дѣятельной жизни [illegible]. тогда, когда каждый человѣкъ въ общинѣ потребу[illegible]ебѣ всѣ права принадлежащія ему какъ особѣ, не

утрачивая притомъ правъ, которыя онъ имѣетъ какъ членъ общины.

Вотъ этой—непокорной личности, этой закваски революціонной и недоставало семейнообразной общинѣ русской. Она бы долго еще могла ужиться съ царемъ, тѣмъ больше, что ему мало выгоды нарушать ея права. Но есть законъ судебъ, по которому сами властители вызываютъ народы къ возстаніямъ.

Крѣпостное состояніе, изподволь, лукаво введенное въ семнадцатомъ столѣтіи, приняло въ восемнадцатомъ огромные размѣры : болѣе трети всѣхъ земледѣльцевъ было отдано въ частное владѣніе.

Народъ не разъ возставалъ, болѣе ста тысячъ людей стояло на Волгѣ съ Стенькой Разинымъ. Царь Алексѣй Михайловичъ перевѣшалъ тысячи мятежниковъ. Престолъ Екатерины II былъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду потрясаемъ Пугачевымъ. Привезенный въ Москву въ клѣткѣ, Пугачевъ былъ казненъ, порядокъ восторжествовалъ, крѣпостной народъ былъ побѣжденъ.

Александръ I остановился въ изумленіи передъ чудовищемъ крѣпостной власти. Онъ понялъ зло, но не нашелъ противъ него средства; онъ не смѣлъ ни потворствовать ему, ни искоренить его. Преступленіе было совершено, царь былъ связанъ съ помѣщиками, народъ отлученъ отъ

него дворянствомъ. Голосъ царя не могъ больше доходить до него . . . И когда Николай — этотъ всемогущій императоръ — осмѣлился въ Апрѣлѣ 1842 г. дать дворянству робкій совѣтъ полюбовно уладить дѣло съ крестьянами, министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій прибавилъ къ его совѣту такое поясненіе, что блѣдныя слова Николая потеряли всякое значеніе. Циркуляромъ министра предписывалось губернаторамъ считать мятежниками тѣхъ крестьянъ, которые вздумали бы принять за обязательный, августѣйшій совѣтъ императора.

Лучъ вольности промелькнулъ предъ глазами несчастнаго крѣпостнаго—и исчезъ. Смутные слухи шопотомъ разнеслись по народу и остались у него въ памяти. Мѣстныя возстанія, убійства помѣщиковъ, которыя такъ часто случаются на Руси, умножились. Въ Симбирской губерніи крестьяне устроили - было облаву на помѣщиковъ. Въ Тамбовской собрались люди разныхъ волостей и пошли вооруженные кольями и топорами, неся съ собой солому, отъ одного господскаго дома къ другому; передъ ними шла крестьянка босая, простоволосая и пѣла похоронныя молитвы и псалмы — она ихъ пѣла, а домы горѣли и въ нихъ помѣщичьи семьи.

Я много жилъ съ нашими крестьянами — и потому глубоко люблю ихъ, но и знаю довольно хорошо. Ребен-

комъ, я проводилъ каждое лѣто въ помѣстьяхъ отца м
въ ссылкѣ я имѣлъ цѣлыхъ семь лѣтъ, чтобъ изу
крестьянина отъ Урала и Волги до Новгорода, и клятв
увѣряю васъ, Граждане, что въ крестьянахъ внутрен
губерній меньше низости, меньше раболѣпства, чѣм
всемъ петербургскомъ вельможествѣ, во всѣхъ царедвор
и чиновникахъ.

Это замѣтили и Кюстинъ, и Гакстгаузенъ, и добросов
стный ученый Блазіусъ.

Воля Россіи начнется съ возстанія крѣпостныхъ пл
ныхъ освобожденія. Рускій мужикъ слышать не хочетъ
увольненія его въ состояніе бездомнаго бобыля (проле
рія). Онъ хочетъ земли — и онъ правъ въ этомъ; зе
будетъ за нимъ. Дворяне были бы рады отпустить кресть
на волю, оставивъ за собой всѣ земли.

Пестель говорилъ своимъ друзьямъ: "Мы можемъ
дѣлаться отъ царя, можемъ, пожалуй, провозгласить р
публику — и все-таки мало будетъ толку. У насъ
будетъ всенароднаго возстанія доколѣ мы не коснемся
земельной собственности дворянъ. Мужику нужна земл
Это было сказано передъ 1825 г. Теперь и правитель
и дворянство поняли, что "мужику нужна земл
Опиты свести крестьянъ на самомалѣйшую долю зе
были сдѣланы, и не удались.

Какъ раздѣлить земли, — указываетъ самое положеніе
дѣлъ и духъ народа. Мужикъ хочетъ себѣ лишь мірскую
землю, лишь ту, которую онъ оросилъ потомъ лица своего,
которую пріобрѣлъ святымъ правомъ работы; больше
онъ не требуетъ. Мужикъ рускій не вѣритъ, чтобы мір-
ская земля могла принадлежать иному нежели міру. Онъ
скорѣе вѣритъ, что онъ самъ принадлежитъ землѣ, нежели
что землю можно отнять у міра. Это чрезвычайно важно!

Всѣ вопросы, относящіеся до собственности, подлинно
— вопросы религіозные, основанные на вѣрованіяхъ, на
догматахъ. Вмѣстѣ съ вѣрой падаетъ дѣло, исче-
заетъ фактъ. (Да, да—съ нѣкоторыхъ скамей)

Теперь сообразите: между крестьянином вѣрящимъ,
что земля принадлежитъ міру, и молодымъ дворянствомъ
не вѣрящимъ въ свое право владѣнія, нѣтъ ничего
кромѣ грубой власти, мертвящей привычки, безсмыслен-
наго невѣжества, старающагося поддерживать старое.
Никакихъ преданій, никакихъ вѣковыхъ, завѣтныхъ
опоръ для престола; онъ не окруженъ ни почтеніемъ въ
глазахъ народа, ни сліяніе съ выгодами торговаго сословія.
Духовенство греко-россійское слишкомъ смиренно, слиш-
комъ мало-тѣлесно, чтобъ вступаться въ дѣла міра сего;
оно осталось византійскимъ и воздаетъ кесарю кесарево,
не много заботясь о томъ, кто таковъ кесарь.

Отличительная черта петербургскаго императорства состоитъ въ томъ, что оно не становится монархическою властью; оно неограниченная диктатура, и больше ничего. Въ какой бы видъ царь ни облекался—представляй онъ изъ себя папу восточнаго, фельдфебеля прусскаго, хана татарскаго, оно все-таки ничто иное, какъ представитель грубой силы и уже минующей исторической необходимости.

Въ Россіи впрочемъ ничто не носитъ на себѣ отпечатка косности, застоя, окончености, которыя встрѣчаешь у народовъ выработавшихъ себѣ долгимъ трудомъ формы быта, отчасти соотвѣтствующія ихъ образу мыслей.

Не забудьте сверхъ того, что Россія не знала почти нисколько трехъ бичей сильно останавливающихъ Западъ —католицизма, римскаго права и господства мѣщанъ. Это весьма упрощаетъ вопросъ. Мы идемъ Вамъ на встрѣчу въ будущемъ переворотѣ; намъ не нужно для этого проходить чрезъ тѣ топи, по которымъ вы прошли; намъ не нужно истощать свои силы въ полумракѣ тѣхъ государственныхъ формъ, которыя можно назвать между волкомъ и собакой (общій смѣхъ), и которыя нигдѣ не произвели великаго и сильнаго, кромѣ тамъ гдѣ онѣ народны.

Намъ вовсе не нужно продѣлывать вашу длинную,

великую эпопею освобожденія, которая вамъ такъ загромоздила дорогу развалинами памятниковъ, что вамъ трудно шагъ сдѣлать впередъ. Ваши усилія, Ваши страданія для насъ поученія. Исторія весьма несправедлива, поздно приходящимъ даетъ она не оглодки, а старшинство опытности. Все развитіе человѣческаго рода есть ничто иное какъ эта хроническая неблагодарность.

Безъ воспоминаній, безъ обязанностей относительно прошедшаго, мы находимся въ томъ положеніи, въ которомъ въ Европѣ находится рабочій классъ и безсобственники. Мы и они лишены наслѣдства, намъ и имъ отъ нынѣшняго свѣта достались въ удѣлъ одни оскорбленія, одни несчастія — потому мы не принимаемъ его судьбу очень къ сердцу.

Полицейскій чиновникъ былъ правъ, говоря, "что насъ ничто не остановитъ". Нѣтъ у насъ ничего общаго ни съ старой Россіей, ни съ старымъ Міромъ. У насъ ничего нѣтъ—да есть отвага-надежды!

Мы ничего не сдѣлали. Тѣмъ лучше! тѣмъ больше остается дѣла для насъ. (Продолжительныя рукоплескания) Пора рабочая для насъ настаетъ. И потому-то нужно, чтобъ Вы знали славянскихъ братій вашихъ. Бѣдный европейскій работникъ долженъ знать, что бѣдный русскій крестьянинъ не падшее, одичалое существо, а человѣкъ

очень несчастный, имѣющій съ нимъ одинакія стремленія и удрученный одинакимъ рокомъ . . . (Рукоплесканія)

Поле общественнаго переворота расширяется . . . Развѣ мы не видали Вѣну возмутившеюся? — короля прусскаго стоявшаго съ обнаженною и повинной головою передъ народомъ? — Все это миновало какъ сонъ — но бываютъ сны пророческіе. (Рукоплесканія) И эта сходка всѣхъ выходцевъ въ Лондонѣ, этотъ обмѣнъ мыслей, это взаимное пониманіе, этотъ общій уровень, на который мы становимся, это не сонъ. Нѣтъ! это не сонъ, потому, что Англичанинъ протягиваетъ намъ руку; а, Вы знаете, когда Англичанинъ даетъ руку, онъ даетъ и сердце! (Громкія восклицанія) — И Русскій приглашенъ участвовать въ этой поминкѣ февральскаго возстанія! . . Развѣ Вы не видите въ этомъ признаковъ, знаменій?

Посмотрите на эту залу — посмотрите на эти обломки всѣхъ бурь, изгнанниковъ всѣхъ странъ, старыхъ бойцовъ и молодыхъ ратниковъ противъ всѣхъ тираній, сошедшихся праздновать страницу изъ лѣтописи Революціи — и именно тогда, когда Она, отчизна революціи, не имѣетъ права торжественно помянуть свое прошедшее! тогда какъ Франція погружена въ дремоту, истощившись лучезарно свѣтя революцію на весь міръ. (Сильныя рукоплесканія)

Велика судьба Франціи! — она двигаетъ впередъ даже

тогда, когда сама идетъ вспять! — Такъ, поборая Соціализмъ, она возвысила его на степень грозной мощи, признанной и ратующей.

Все содѣйствуетъ революціи — ибо все содѣйствуетъ Будущему!

Оставимъ-же мертвымъ хоронить мертвыхъ! Давно забытыя надежды снова возникаютъ.—Борьба ихъ между собою принесетъ намъ пользу; они не подозрѣваютъ, что побѣждаютъ для насъ. Царства и цари пройдутъ, но Соціализмъ не пройдетъ. Развѣ Вы не узнаете — это юный Наслѣдникъ отходящаго старца!

А. Герценъ возвратился на свое мѣсто среди оглушительныхъ рукоплесканій. Молодая Англичанка взошла на помостъ и подала ему букетъ цвѣтовъ, съ словами: "Рускому гражданину отъ Англійскихъ сестеръ". При видѣ этого публика возобновила свои одобрительные клики.

Второй иностранный ораторъ — сказалъ Предсѣдатель — желающій держать рѣчь, французскій изгнанникъ; онъ въ Бель-Иль-

ской темницѣ искупилъ свою любовь къ свободѣ—Альфредъ Таландье, онъ является на трибунѣ.

ГРАЖДАНЕ! Людовикъ Наполеонъ Бонапартъ, преступникъ втораго Декабря, племянникъ и наслѣдникъ преступника 18 Брюмера, не простилъ англійской аристократіи за пораженіе подъ Ватерло, за гробъ Св. Елены; чтобъ отомстить ей, онъ вступилъ съ нею въ союзъ . . . Пусть совершается месть Бонопарта. (Рукоплесканія)

Другіе ораторы говорили вамъ объ войнѣ, будутъ говорить, они раскроютъ передъ вами закулисную работу дипломаціи, они покажутъ вамъ во всемъ безстыдномъ, нагломъ ужасѣ эти преступные союзы, въ которыхъ Бонапартъ соединяетъ руки Англіи и Австріи, въ которыхъ иной разъ смѣшное беретъ верхъ надъ гнуснымъ, гдѣ маленькій король Піемонтскій приноситъ свою маленькую шпажку, и Неаполитанскій "Бомба" суетъ туда-же на помощь союзникамъ свой ножъ убійцы, необсохнувшій отъ крови.

Отвернемтесь отъ этихъ военныхъ зрѣлищъ и картинъ, отъ этихъ страшныхъ полей, на которыхъ смерть коситъ жатву посѣянную царями; сквозь пороховой дымъ, который еще не улегся, сквозь подымающійся кровавый

туманъ, расширяется небольшой клочекъ неба, на которомъ всходитъ утренняя звѣзда—святаго союза народовъ. (Рукоплесканія)

И прежде всего спасибо Вамъ, Англійскіе друзья.

Намъ нужнѣе гостепріимства земли, крова, очага, хлѣба —гостепріимство воли и обмѣна мысли; Вы это поняли— благодаримъ Васъ.

Жизнь для изгнанниковъ тяжела, работа бѣжитъ отъ нихъ, недовѣріе ихъ отталкиваетъ, клевета преслѣдуетъ ихъ, бѣдность мучаетъ. Но, люди убѣжденій, мы знаемъ, что наше призваніе необходимо; мы семена занесенныя вѣтромъ далеко отъ своей родины; мы не различаемъ земель чужихъ и своихъ, мы думаемъ, что человѣкъ вездѣ дома въ этомъ мірѣ. Но не всѣ знаютъ это, и слово "чужой, иностранецъ" еще произносится съ укоромъ въ образованныхъ странахъ. Вы насъ назвали братьями; благодаримъ Васъ, братья, благодаримъ! (Рукоплесканія)

Намъ наша вѣра дороже жизни. Скорѣй нежели покинуть Революцію, мы завернемся въ наше знамя и падая, прокричимъ еще — Свобода, Равенство, Братство — или смерть! (Взрывъ рукоплесканій) Искушенные всѣми бѣдствіями, истощенные всѣми усталями, раненные въ тысячи бояхъ, мы только могли сохранить неприкосновенною честь знамени, чтобъ это знамя, обуреваемое всѣми тира-

ствами, стояло тверже—Вы подали намъ руку. Вы ничего не могли лучшаго сдѣлать для насъ. Еще разъ, друзья — благодаримъ Васъ. (Рукоплесканія)

Теперь нѣсколько словъ о прошедшемъ.

Да, революціи 1848 г., въ память которыхъ мы собрались, были потеряны потому, что небыло круговой поруки между народами. Нынѣ, въ силу этой круговой поруки, мы всѣ несемъ кару за ошибки, сдѣланныя не всѣми.

Но не странно-ли, что именно тѣ люди, которые не находятъ ничего достойнаго въ воспоминаніи революціи 1848 года, и которые не пришли на это торжественное водруженіе знамени Союза народовъ—именно люди прошедшіе черезъ правительства въ 1848 году, т. е. одни тѣ, которые могли бы быть обвинены въ ошибкахъ того времени, еслибы мы не знали сколько участвовали въ нихъ невѣжество всѣхъ и бѣдность большинства?

Мы, поддерживавшіе круговую поруку народовъ въ Маѣ 1848 и круговую поруку людей въ Іюнѣ, мы находимъ очень многое достойнымъ празднованія въ событіяхъ того времени.

Въ Маѣ наши друзья, Барбесъ, Распаль, Бланки, были брошены въ тюрьму послѣ народнаго движенія начатаго во имя Польши; на Іюньскихъ баррикадахъ соціализмъ былъ крещенъ огнемъ. Это въ одномъ Парижѣ. А Вѣна,

Берлинъ, Баденъ, Пестъ, Римъ, Венеція—развѣ они не имѣли своихъ побѣдъ и пораженій?—больше достойныхъ остаться въ памяти людей съ своими героями-мучениками —нежели самыя побѣды.

Да, мы празднуемъ революцію 1848 г., мы храпимъ память объ ней и богатые грозными уроками ея, стараемся воспользоваться тогдашними ошибками.

Онѣ насъ учатъ, что народы связаны другъ съ другомъ какъ люди и если нѣтъ свободы для всѣхъ, равенства для всѣхъ—то нѣтъ ни для кого ни свободы, ни равенства.

Союзъ, который мы хотимъ установить между народами, не только справедливъ, но необходимъ и его время настало.

Оба стана нынче ясно обозначены. Въ мірѣ только двѣ партіи. Онѣ вездѣ тѣже, вездѣ стоятъ другъ противъ друга и готовы вступить въ бой. Онѣ дѣлаютъ двѣ семьи въ каждой семьѣ, два народа въ каждомъ народѣ, два человѣчества въ родѣ человѣческомъ. Гдѣ семья, гдѣ народность? Мой братъ не братъ мнѣ, если не раздѣляетъ мою любовь къ равенству, мою ненависть къ притѣсненію. Моя отчизна—тогда только моя отчизна, когда борется за свободу, стоитъ за право. Я не Французъ, не Англичанинъ, не Русской, не Полякъ — я свободный человѣкъ, и мои братья, мои соотечественники только тѣ, и всѣ тѣ, которые стремятся къ республикѣ соціальной.

Оба враждебныя начала, борющіяся изъ-за владычества міромъ, отрѣшились отъ національныхъ, ограниченныхъ опредѣленій и стремятся сдѣлаться всемірными.

Всемірное владычество—говоритъ одно,

Всемірная Республика—говоритъ другое;

Начало императорской власти, сказалъ Герценъ, не національное, оно космополитическое; самовластье всемірнѣе революціи. Нашъ другъ ошибся только въ томъ, что далъ перевѣсъ монархіи. Революція также всемірна какъ деспотизмъ, да еще имѣетъ передъ нимъ то преимущество, что она народна во всякой странѣ и близка личности каждаго человѣка. Иное дѣло, когда самовластье оспариваетъ намъ весь міръ, на каждой точкѣ всего міра, что и мы должны имѣть ту-же всеобщность какъ оно.

Говорятъ, что народы какъ люди имѣютъ свои особенныя призванія, свою особенную личность необходимую для исполненія его. Никто не сомнѣвается въ этомъ. Но личность не много выростетъ отъ уменьшенія горизонта.

Отечество тамъ гдѣ мы любимъ.

Народность тамъ, гдѣ народная любовь, тамъ гдѣ его духъ, его геній.

Для насъ, Французовъ, гдѣ геній Франціи? Въ революціи, въ современномъ Соціализмѣ. Гдѣ ея любовь? — Въ республикѣ демократической и соціальной.

Но говорятъ, что Соціализмъ не духъ Франціи, а ея горячка.

Горячка — пожалуй. Когда во внутренностяхъ народа есть цари, ростовщики и другія ядовитыя, чужеядныя чудовища, онъ долженъ радоваться болѣзни, посредствомъ которой тѣло хочетъ отдѣлаться отъ отравы. Если-бъ ея не было, не было бы и спасенія. (Браво)

И такъ, да будетъ благословенна горячка!

Соціализмъ обыкновенно обвиняютъ въ неопредѣленности, въ неясности; говорятъ, что у него нѣтъ ни положительной цѣли, ни достаточнаго оправданія; что это смѣсь ученій, дурно разработанныхъ, не спѣтыхъ и не способныхъ образовать прочную почву союзу серьезному и основательному.

Разумѣется, я не возьму на себя наложить передъ вами въ нѣсколько минутъ начала Соціализма, но позвольте мнѣ сдѣлать нѣсколько вопросовъ изъ самыхъ общихъ основаній Соціализма.

Что-же тутъ неопредѣленнаго и неяснаго, когда мы говоримъ, что отвергаемъ внѣшняго Бога, издали управляющаго міромъ, какъ правительства царящія и гнѣтущія сверху народы?

Что-же тутъ неопредѣленнаго, когда мы хотимъ замѣнить — работой богатство; правами труда — права

наслѣдства; когда мы хотимъ чтобъ орудія труда были не въ праздныхъ рукахъ, а въ рукахъ работника?

Что-же тутъ неяснаго, когда мы требуемъ человѣческихъ правъ для женщины и ея участія въ составленіи законовъ, которымъ она подчинена? Отрицаніе этого права также нелѣпо, какъ сомнѣнія нѣкоторыхъ богослововъ—имѣютъ-ли женщины душу.

Что-же тутъ неяснаго, когда мы говоримъ, что тотъ, кто принимаетъ участіе въ трудѣ, имѣетъ право на соотвѣтственное участіе въ его выгодахъ и на участіе въ управленіи трудомъ, въ распорядкѣ работъ?

Наконецъ съ точки зрѣнія общечеловѣческой, что-же неопредѣленнаго въ томъ, что мы также не признаемъ иностранцевъ между людьми, какъ природа не признаетъ ихъ между своими произведеніями? Мы думаемъ, что всѣ равно призваны къ свободѣ и къ равенству, и что никого нѣтъ ни выброшеннаго за законъ, ни отлученнаго отъ общаго наслѣдства.

Разумѣется, осуществленіе всего этого трудно, даже очень трудно. Гораздо легче краснорѣчиво негодуя, возставать противъ грубыхъ потребностей вѣка, и проповѣдывать людямъ опьяненнымъ отъ голода, пренебреженіе богатствъ и самоотверженіе. Только для чего?

Можетъ мы обманываемся, но откровенны и не обманываемъ никого.

Насъ, людей пропаганды и умственнаго труда, нельзя винить въ святотатственномъ непониманіи Идеала. Наша цѣль привести людей къ полному развитію ихъ способностей тѣлесныхъ, умственныхъ, нравственныхъ; мы хотимъ не болѣе, чтобъ люди развились художественно, поэтично. Наше тѣло имѣетъ свои права и желудокъ свои потребности. Мы хотимъ чтобъ человѣкъ былъ сытъ, для того чтобъ его умъ могъ думать и сердце любить. Говядина точно также средство достиженія идеала, какъ наука, какъ искуство. Матеріалисты тѣ, которые голоднымъ подаютъ состарившіяся предразсудки вмѣсто пищи; оскорбленнымъ проповѣдуютъ невозможную нравственность, одичалому отъ нищеты народу оставляютъ одно удовольствіе—водку.

Никакія политическія соображенія, виды, не заставятъ насъ поступиться чѣмъ бы то ни было изъ ученія признаннаго нами. На немъ, на этой почвѣ, мы приглашаемъ Васъ основать новый союзъ. Говорятъ, что эта почва не прочна. Не только она прочна, но она одна только и есть въ самомъ дѣлѣ.

Да здравствуетъ Союзъ Народовъ!

Да здравствуетъ Республика всемірная, демократическая и соціальная!

Продолжительныя рукоплесканія провожаютъ оратора на его мѣсто — его друзья жмутъ ему руки и благодарятъ.

Римскій Тріумвиръ Авреліи Саффи прислалъ изъ Оксфорда слѣдующее письмо, прочтенное въ Собраніи однимъ французскимъ изгнанникомъ.

ГРАЖДАНЕ! Вы пригласили меня на ваше Собраніе, Вы желали, чтобъ я сказалъ на немъ что-нибудь. Душевно жалѣю, что не могу явиться лично. Но такъ какъ Вы пригласили меня какъ Итальянца, участвовавшаго въ дѣлѣ освобожденія моей родины, и потому самому и въ дѣлѣ всемірнаго освобожденія, то я считаю своимъ долгомъ передъ моимъ отечествомъ и передъ самимъ собою изложить какъ я смотрю на революцію, какія у меня надежды и желанія въ великой борьбѣ нашей противъ исключительныхъ правъ и властей, препятствующихъ естественному развитію общества въ Европѣ.

Я не говорю какъ представитель Италіи, ни даже какъ представитель моихъ соотечественниковъ, живущихъ въ изгнаніи . . . Кто въ наше время вздумалъ бы составить

по собственному разумѣнію, общія выводы для рѣшенія вопросовъ потрясающихъ общество, тотъ скоро увидѣлъ бы себя замкнутымъ въ кругѣ, начерченномъ имъ самимъ, тотъ не могъ бы ни понять что дѣлается, ни самъ дѣлать что бы то ни было; событія, дѣйствительность обошли бы его.

Время произвольныхъ сочетаній, приуготованныхъ системъ, формулъ, которыя искажаютъ самобытныя, внутреннія силы человѣческой природы, вмѣсто того, чтобъ дать имъ самимъ устроиться и развиваться, это время по счастію на вѣки миновало. Какъ въ изученіи природы точное наблюденіе явленій замѣнило умозрѣнія старой школы, такъ и въ вопросахъ государственныхъ и общественныхъ можно будетъ лишь путемъ опыта и положительнаго знанія, открытіемъ истинныхъ законовъ, управляющихъ союзами людей и народовъ, разрѣшить великую задачу о благосостояніи и успѣшномъ развитіи человѣческаго рода.

Неправда, чтобъ эти законы, эти стремленія жизничеловѣчества нынѣ слѣдовали по другому направленію, нежели по которому они шли доселѣ, чтобъ они прервали связь съ прошедшимъ и приняли совершенно новый оборотъ, при которомъ остается одно — безразличное разрушеніе. Неправда, чтобъ все перешедшее къ намъ отъ отцовъ нашихъ,

все существующее въ настоящемъ видѣ общества, было ложно, несовмѣстно съ новѣйшими стремленіями. Напротивъ того, между тѣмъ что было, что есть и что будетъ существуетъ непрерывная связь. Въ движеніи ума человѣческаго нѣтъ противорѣчій, а есть развитіе. Революція не изобрѣтеніе послѣднихъ дней; она была во всѣ вѣка историческою, двигательною силою человѣчества. Она уже многое совершила; упускать это изъ виду, отвергать это, значило бы отвергать дѣйствительность уже разъ пріобрѣтеннаго, жертвовать имъ призраку, котораго нельзя осуществить, не пользуясь уже присущими силами.

Граждане! Революція пріобрѣла уже двѣ огромныя силы — чувство самодѣятельности, свободы, независимости въ сознаніи отдѣльнаго человѣка, и то-же самое чувство въ общемъ сознаніи народовъ.

Пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, народы были управляемы силою оружія, личнымъ господствомъ человѣка надъ человѣкомъ. Земля принадлежала исключительно начальникамъ завоевателей; прочіе люди были крѣпостными, рабами, паріями. Промышленныя населенія городовъ Италіи, въ наибольшемъ размѣрѣ, а за ними въ размѣрѣ поменьшемъ, общины Германіи, Франціи, Англіи возстали противъ владѣльцевъ, освободили землю отъ препонъ феодализма, освободили земледѣльцевъ, развили, посред-

ствомъ труда и торговли промышленность. Собственность, бывшая сперва кражей, стала въ ихъ рукахъ плодомъ ихъ усилій, ихъ трудовъ. Человѣкъ, бывшій дотолѣ страдательнымъ орудіемъ, вещью въ рукахъ господина, сталъ мыслящею, свободною, дѣятельною силой. Развитіе богатства дало толчекъ развитію умственному. Данте и Микель-Анджело, Макіавелли и Колумбъ возникли какъ гиганты изъ нѣдръ человѣчества, пробудившагося къ самосознанію.

Освободившись отъ матеріальнаго рабства и невѣжества, человѣчество должно было приступить къ освобожденію себя отъ рабства нравственнаго и отъ лжи. Дѣло это начали италіянскія Республики отдѣленіемъ Государства отъ Церкви. Онѣ презрѣли отлученія Папы во всемъ что касалось ихъ политическихъ интересовъ; но дальше онѣ не пошли; въ этомъ была ихъ ошибка, поэтому онѣ погибли. Германскому и англо-саксонскому племени предоставлено было перенести революцію изъ міра внѣшняго въ міръ внутренній. Отсюда Реформація и Философія. Папа и императоръ были имъ на всегда казнены какъ правомѣрныя существа; съ тѣхъ поръ они остались призраками, распространяющими ужасъ силою войскъ, которыя собраны вокругъ ихъ остатками старинныхъ вельможъ. Три вѣка они еще предавались своему пред-

смертному разгулу, преимущественно въ Испаніи и И
Но не смотря на ихъ усилія, пріобрѣтенія образова
не были истреблены. Человѣкъ не былъ болѣе до
человѣка, мѣщанина не грабилъ помѣщикъ, даже ве
лецъ остался свободенъ, не смотря на бѣдность. Нау
дала удивительные успѣхи; несмотря на костры Г
произнесъ передъ инквизиторами свою безпощадну
мулу движенія : eppur si muove. Вико приложил
исторіи народовъ. Книгопечатаніе спасло отъ Пап
тыя произведенія ума человѣческаго, и подрыло со
сторонъ, дряхлыя стѣны духовнаго и политическ
спотизма. Освобожденное мышленіе создало религ
и политическую свободу въ Англіи, новый міръ в
рикѣ, независимый отъ наслѣдственныхъ формъ
Европы, и провозгласило въ Европѣ, революціей 8
общія права человѣка, замѣнившія исключительны
сословій.

Одно изъ послѣдствій всѣхъ этихъ усилій, од
составныхъ началъ переданнаго намъ наслѣдства
знаніе въ отдѣльномъ человѣкѣ, что онъ въ р
своихъ способностей нравственныхъ, умственныхъ
мышленныхъ, никому изъ своихъ ближнихъ не
непъ, что онъ властелинъ своей судьбы, что онъ

право и обязанность устроить, развивать ее самъ собою и для самаго себя, не нарушая лишь всемірныхъ законовъ нравственности, т. е. общительности.

Другое начало — есть сознаніе личности народной, возстающее противъ произвола завоеванія и ложныхъ единствъ. Какъ скоро человѣкъ былъ освобожденъ отъ путъ вселенскаго императорства, папизма — невозможно было и духу народному не искать свободы отъ оковъ завоеванія, отъ политическихъ системъ установленныхъ насиліемъ, вопреки естественному отношенію между народностями.

Революція, провозгласившая равенство правъ между людьми, провозгласила неминуемымъ выводомъ его и равенство правъ между многочисленными обществами людей, называемыми народами. Нынѣ каждый народъ чувствуетъ, что онъ не продажный товаръ, зависящій отъ прихоти похитителей власти; что завоеваніе, какими бы именами оно ни было называемо, какими бы договорами оно ни было утверждено, всегда преступленіе; что каждый народъ имѣетъ неотъемлемое право завѣдывать своими дѣлами посредствомъ законныхъ и свободно избранныхъ своихъ представителей; вотъ вторая великая данная, пріобрѣтенная трудами прошедшихъ вѣковъ для настоящаго сознанія человѣчества.

Одна изъ отличительныхъ чертъ нашего времени состоитъ въ томъ, что завоеванія стали невозможны. Послѣдній завоеватель, несмотря на весь свой геній, несмотря на всю мощь данную ему опьяненіемъ великой нации, умеръ на пустынномъ островѣ Океана. Онъ палъ не подъ ударами королей, они были побѣждены имъ, онъ палъ подъ ударами не признанныхъ имъ народовъ. Народы возстали во имя жизни и правъ своихъ. Это былъ первый актъ въ драмѣ ихъ освобожденія. Они были преданы. Ихъ благородное увлеченіе послужило въ пользу старинныхъ властямъ, обломкамъ предшествовавшихъ завоеваній. Но вопросъ былъ поставленъ. Чудовищное беззаконіе священнаго союза и вѣнскаго Конгресса, было лишь слабой плотиной, которую потрясала каждая волна новой народной жизни. Какъ всякое произвольное и насильственное отрицаніе, оно вызвало въ сознаніи угнетенныхъ народовъ болѣе опредѣленное, болѣе точное признаніе ихъ правъ.

Послѣ долгихъ ожиданій, неудачныхъ, мѣстныхъ попытокъ, народы въ 1848 г. возстали разомъ, движимые одними и тѣми-же побужденіями. Съ перваго боя войска самодержавія были растроены. Отъ волн, отъ ума возставшихъ зависило положить конецъ произволу въ управленіи внутреннемъ и въ между-народныхъ сношеніяхъ, замѣнить государственное право дипломатовъ государственнымъ правомъ народовъ; сборище государствъ, учрежденныхъ прихотью — союзомъ между свободными и независимыми народностями; запретительные законы политической экономіи завоевателей—паукообразными законами экономіи свободы. Но видно, это было слишкомъ рано. Люди другъ друга не поняли. Во Франціи борьба мѣщанства съ работниками вызвала кровавую распрю, а потомъ, какъ бывало въ итальянскихъ республикахъ среднихъ вѣковъ — самовластіе одного лица. Повсюду люди остановились перѣшительно на полъ-дорогѣ между преданіями прошедшаго времени и еще неопредѣленными требованіями будущаго. Вмѣсто того, чтобъ упрочить основанія, спорили о формахъ, вмѣсто того чтобъ соединить народы на общее дѣло, вступали въ переговоры съ только-что униженными властями; когда эти власти, сбросивъ личину полу-либеральную, возобновили свои деспотическія притязанія, тогда уже было слишкомъ поздно протестовать во имя свободы.

И однакожъ, въ этомъ удивительномъ разгромѣ, погибли лишь люди,—быть-можетъ еще заблужденія. Истинныя, созидающія, вѣчныя идеи развитія остались. Онѣ все болѣе очищаются, вырабатываются, все болѣе опредѣляются въ умѣ и внутренней жизни народовъ.

На небосклонѣ появляется новый нравственный фактъ,

полный будущности. Доселѣ его предугадывали, старались воспользоваться имъ въ весьма недостаточномъ, односторонемъ видѣ, какъ средствомъ для защиты слабыхъ противъ сильныхъ, исключительныхъ интересовъ одного сословія противъ исключительныхъ интересовъ другаго. Личные виды устроивали союзы, цѣхи, малочисленныя братства, приготовляясь на междоусобную борьбу. Внутри братство, совнѣ война. Это было приложеніе католическаго начала благодати къ разнымъ слоямъ общества. Частные союзы не допускали возникнуть общему вольному союзу. Нынѣ же, напротивъ того, изъ разложенія противоборствующихъ учрежденій, возникаетъ необходимость истиннаго всемірнаго согласованія человѣческихъ интересовъ и требованій, и повсюду распространяется съ силою и быстротою, удивляющими наши взоры, когда мы переходимъ отъ медленнаго хода прошедшаго къ тѣмъ великимъ путямъ, которые влекутъ насъ въ будущность; пароходы, желѣзныя дороги, электрическіе телеграфы обращены на служеніе мысли, книгопечатанію, гласности, ими говоритъ одно полушаріе съ другимъ. Возможно-ли, чтобъ жалкая, слѣпая дипломація, не имѣющая ни иного символа вѣры, ни иного способа управлять ускользающими отъ нея судьбами, какъ выдуманное за двѣсти лѣтъ тому назадъ политическое равновѣсіе; возможно-ли чтобъ она могла удержаться

на огромной волнѣ несущей въ новый міръ насъ всѣхъ, желающихъ, равно какъ и противящихся?—Бонапарта и Папу, пятьсотъ тысячъ австрійскихъ штыковъ, братьевъ Игнорантинцевъ и братьевъ Іезуитовъ?—Положитесь на поднимающійся валъ; онъ растетъ, быстрѣетъ. Будущность наша!

Такъ индивидуальность, вышедшая изъ привиллегированныхъ корпорацій и народность, очищенная отъ монархической централизаціи, стремятся сами собою къ общенію, къ вольному, всемірному союзу.

Индивидуальность народовъ останется, но она съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе расширяется чтобъ обхватить съ сестрами своими весь шаръ земной.

Это не сонъ. Новыя стремленія уловимы даже среди мрака нынѣшней реакціи.

Съ одной стороны, духъ исключительной личности, составлявшій отличительную черту развитія средняго сословія, укрѣплявшій его въ борьбѣ противъ дворянства, замѣчаетъ нынѣ, что онъ не въ состояніи сохранить себя, если онъ будетъ продолжать борьбу противъ низшихъ сословій.

Съ другой стороны, эти сословія ищутъ освобожденія средствами органическими. Борьба между капиталомъ и работой разрѣшится въ невынужденномъ союзѣ выгодъ.

То, что доселѣ было поглащающаго, несправѣдливаго въ частной собственности, станетъ уступать общественной, круговой порукѣ. Въ тотъ день, когда противоборство капитала и работы, мѣщанина и пролетарія, найдетъ себѣ примиреніе на широкомъ полѣ вольнаго и справѣдливаго союза; въ тотъ день личныя диктатуры и наслѣственные деспотизмы исчезнутъ на всегда съ лица земли.

Къ этому-то великому дѣлу согласованія силъ революціи должны содѣйствовать всѣ европейскія демократіи. Въ этомъ состоитъ одна изъ главныхъ обязанностей нашихъ, среди испытаній, переносимыхъ нами теперь, благодаря заблужденіямъ прошедшаго. Это одна изъ основъ моей вѣры, моей надежды на будущее.

Вторая основа — это союзъ народностей для борьбы противъ ихъ притѣснителей, для помощи другъ другу.

Всѣ стремленія европейской цивилизаціи клонятся, не смотря на обстоятельства, къ составленію большаго промышленнаго и торговаго союза государствъ.

Граждане! я высказалъ вамъ что я думаю, что я ожидаю отъ будущности. Я почти не говорилъ вамъ о ходячихъ нынѣ вопросахъ, о стеченіи обстоятельствъ болѣе или менѣе выгодныхъ, которыя могутъ представиться для возрожденія народовъ, потому-что я твердо убѣжденъ, что истинно удобные случаи къ ихъ освобожденію не зависятъ

отъ внѣшнихъ приключеній политики. Будетъ-ли Австрія на сторонѣ западныхъ государствъ, будетъ-ли она противъ нихъ; одержитъ-ли Наполеонъ побѣды въ Крыму или нѣтъ, все это ничего не значитъ до тѣхъ поръ, пока совокупное движеніе силъ свободы, потребность возвысить природу человѣческую, униженную чужеземнымъ покореніемъ или домашнимъ самовластіемъ, не достигнетъ до того, что всѣ сословія, стремящіяся къ политическому и соціальному совершенствованію, не возстанутъ противъ произвольной власти, тяготѣющей надъ ними всѣми. И для того чтобъ это совершилось, надобно чтобъ ни одно изъ нихъ не опасалось новой тиранніи, ни рѣзкихъ потрясеній въ нѣдрахъ самой свободы. Я, Италіянецъ, говорю вамъ это, вслѣдствіе горестныхъ испытаній, чрезъ которыя прошла моя родина. Италіянскія республики подпали подъ иго и вся Италія подверглась рабству, потому-что тогдашніе мѣщане и работники не умѣли найдти экономической прогрессивной формулы, которая согласовала бы ихъ выгоды, и что вмѣсто того, чтобъ слиться во-едино, они старались лишить другъ друга, насиліемъ и страхомъ, правъ гражданства.

По счастію, опытность извлеченная изъ претерпѣнныхъ страданій, приготовила почву для практическаго уразумѣнія. И пусть каждый изъ насъ содѣйствуетъ къ опло-

дотворенію этой почвы, къ сближенію отвлеченныхъ теорій съ дѣйствительною практикою, стремленій строгой науки съ началами общественной жизни, давая мѣсто и личнымъ требованіямъ и общимъ выгодамъ — часъ освобожденія не замедлитъ пробить тогда.

Граждане! я сказалъ Вамъ мои мысли, безъ искуства ни краснорѣчія, но искренно, вольно, не раздражаясь противъ настоящаго, потому-что я вѣрю въ будущее; потому-что всѣ силы реакціи вмѣстѣ не могутъ остановить освобожденія, и что, между-тѣмъ какъ люди, системы, формы правленія падаютъ одно за другимъ, одна сила непреодолимая всегда остается — Народъ!

Въ заключеніе Собранія Л. Кордецкій отъ имени польскаго Совѣта прочелъ воззваніе, написанное въ томъ-же димократически-соціальномъ направленіи, въ которомъ были всѣ рѣчи.

Воззваніе польскихъ братій съ справѣдливой гордостію вспоминаетъ, что за девять лѣтъ передъ симъ въ Краковѣ было водружено знамя соціальнаго переворота. Круговая порука царей ниспровергла его, такъ какъ послѣ 1848 г. недостатокъ круговой поруки между народами лишилъ Францію и Европу всѣхъ послѣдствій революціи. Два враждебные стана рѣзко очерчены : Царь и самовластье съ одной стороны, соціализмъ и свобода съ другой; наемные или насильно взятые солдаты съ одной, добровольные бойцы, обрекающіе себя на борьбу за народъ съ другой. Воззваніе рѣшительно отвергаетъ, что соціализмъ не народенъ въ Польшѣ. За основаніе, говоритъ Л. Кордецкій, общества и за первообразъ соціальныхъ перемѣнъ, мы беремъ общину, какъ возрожденіе патріархальной жизни Славянъ.

Мы заключимъ нашъ рускій разсказъ о народномъ Сходѣ 27 февраля 1855 г. тѣмъ

восклицаніемъ, которымъ заключили наши польскіе братья свое возваніе ;

Да здравствуетъ Польская димократическая и соціальная республика! Да здравствуютъ Соединенные Штаты Европейскіе, основанные на началахъ соціальныхъ.

Мы прибавимъ одно :

Да здравствуетъ Вольная Русь и да будетъ она братски, полюбовно соединена со всѣми Славянами, со всѣми вольными народами!

Института Ленина
при ц. к. в. к. п. (б)

Опечатка.

На стр. 26 вмѣсто "на снѣгъ" читай "на землю".